

65	0076	САША ЧЁРНЫЙ		"Зеркало"
		Вышла в свет в 1998 г.		48.04

«ЗЕРКАЛО» (Коренблит – Чёрный)

От собеседника

Саша Чёрный (Александр Гликберг) один из предтеч наших современных сатириков. Удивительное свойство высмеять людские пороки так, чтобы почти через столетие можно также охотно потешаться над ними, узнавая в современниках его "героев". Неумещающаяся актуальность тем - прямое доказательство его таланта. Как много смешных в прошлом историй и новелл большинства авторов кажутся сейчас примитивными и архаичными! С поэзией С.Ч. этого не произошло, да и, к сожалению, ближайшее время не произойдет. (Его персонажи на редкость живучи).

"Зеркало" - очень точное определение направления взгляда его насмешек. Конечно же в нем в первую очередь нужно искать объект насмешек и только после определенной степени самоиронии "рассматривать песчинки в чужих глазах". Успехов Вам, мой Слушатель, в этом тяжелом деле.

Ваш Станислав Коренблит

1. Хорошо	- 1.21
2. Пробуждение весны	- 2.32
3. Пасхальный перезвон	- 1.06
4. Надежды петербуржца	- 2.16
5. Зеркало	- 1.24
6. Проблема пола	- 1.03
7. Женщинам	- 1.08
8. Диета	- 1.23
9. Европейец	- 1.58
10. Пошлость	- 2.14
11. Лошади	- 1.25
12. В гостях	- 1.14
13. Полька	- 2.08
14. В опере	- 1.12
15. Опять	- 2.29
16. Обстановочка	- 1.44
17. Переутомление	- 1.29
18. Обмен личностью	- 2.16
19. Квартиранин	- 2.41
20. Интеллигент	- 2.06
21. Пьяница	- 1.51
22. Арестант	- 1.58
23. Волк и Баран	- 1.06
24. Гении и папуасы	- 1.34
25. Потомки	- 1.42
26. Споры	- 1.23
27. Слишком много	- 1.15
28. Молитва	- 2.06

Общее время звучания – 48.04

СОДЕРЖАНИЕ

1. ХОРОШО

Хорошо при свете лампы
Книжки милые читать,
Пересматривать эстампы
И по клавишам бренчать, -

Щекоча мозги и чувство
Обаяньем красоты,
Лить душистый мед искусства
В бездну русской пустоты...

В книгах жизнь широким пиром
Тешит всех своих гостей,
Окружая их гарниром
Из страданья и страстей:

Смех, борьба и перемены,
С мясом вырван каждый клочок!
А у нас... углы да стены
И над ними потолок.

Но подчас, не веря мифам,
Так событий личных ждешь!
Заболеть бы, что ли, тифом,
Учинить бы, что ль, дебош?

Спим и хнычем. В виде спорта,
Не волнуясь, не любя,
Ищем бога, ищем черта,
Потеряв самих себя.

В звуках музыки – страданье,
Боль любви и шепот грез,
А вокруг одно мычанье,
Стоны, храп и посвист лоз.

Отчего? Молчи идохни.
Рок – хозяин, ты – лишь раб.
Плюнь, ослепни и оглохни,
И ворочайся, как краб!

...Хорошо при свете лампы
Книжки милые читать,
Перелистывать эстампы
И по клавишам бренчать.

2. ПАСХАЛЬНЫЙ ПЕРЕЗВОН

Пан-пьян! Красные яички.
Пьян-пан! Красные носы.
Били-бьют! Радостные личики.

Бьют-били! Груды колбасы.

Дал-дам! Праздничные взятки.
 Дам-дал! И этим и тем.
 Пили-ели! Визиты в перчатках.
 Ели-пили! Водка и крем.

Пан-пьян! Наливки и студни.
 Пьян-пан! Боль в животе.
 Били-бьют! И снова будни.
 Бьют-били! Конец мечте.

3. ПРОБУЖДЕНИЕ ВЕСНЫ

Вчера мой кот взглянул на календарь
 И хвост трубою поднял моментально,
 Потом подрал на лестницу, как встарь,
 И завопил тепло и вакханально:
 "Весенний брак! Гражданский брак!
 Спешите, кошки, на чердак..."

И кактус мой - о, чудо из чудес! -
 Залитый чаем и кофейной гущей,
 Как новый Лазарь, взял да и воскрес
 И с каждым днем прет из земли все пуще.
 Зеленый шум... Я поражен,
 "Как много дум наводит он!"

Уже с панелей смерзшуюся грязь,
 Ругаясь, скалывают дворники лихие,
 Уже ко мне забрел сегодня "князь",
 Взял теплый шарф и лыжи беговые...
 "Весна, весна! – пою, как бард, -
 Несите зимний хлам в ломбард".

Сияет солнышко. Ей-богу, ничего!
 Весенняя лазурь спугнула дым и копоть,
 Мороз уже не щиплет никого,
 Но многим нечего, как и зимою, лопать...
 Деревья ждут... Гниет вода,
 И пьяных больше, чем всегда.

Создатель мой! Спасибо за весну! –
 Я думал, что она не возвратится, -
 Но... дай сбежать в лесную тишину
 От злобы дня, холеры и столицы!
 Весенний ветер за дверьми...
 В кого б влюбиться, черт возьми?

4. НАДЕЖДЫ ПЕТЕРБУРЖЦА

Середина мая и деревья голы...

Словно Третья Дума делала весну!
 В зеркало смотрю я, злой и невеселый,
 Смазывая йодом щеку и десну.

Кожа облупилась, складочки и складки,
 Из зрачков сочится скука многих лет.
 Кто ты, худосочный, жиденский и гадкий?
 Я?! О нет, не надо, ради бога, нет!

Синие кредитки вместо Синей Птицы
 Унесут туда, где солнце, степь и тишь.
 Слезы увлажняют редкие ресницы:
 Солнце... Степь и солнце вместо стен и крыш.

Был я богоборцем, был я мифотворцем
 (Не забыть панаму, плащ, спермин и "код"),
 Но сейчас мне ясно: только тошнотворцем,
 Только тошнотворцем был я целый год...

Надо подписаться завтра на газеты,
 Чтобы от культуры нашей не отстать,
 Заказать плацкарту, починить штиблеты
 (Сбежать к даме сердца можно нынче в пять).

К прачке и в ломбард, к дантисту-иноверцу,
 К доктору - и прочь от берегов Невы!
 В голове - надежды вспыхнувшего сердца,
 В сердце - скептицизм усталой головы.

5. ЗЕРКАЛО

Кто в трамвае, как акула,
 Отвратительно зевает?
 То зевает друг-читатель
 Над скучнейшей газетой.

Он жуёт её в трамвае,
 Дома, в бане и на службе,
 В ресторанах и в экспрессе,
 И в отдельном кабинете.

Каждый день, впиваясь в строчки,
 Он глупеет и умнеет:
 Если автор глуп – глупеет,
 Если умница – умнеет.

Но порою друг-читатель
 Головой мотает злобно
 И ругает, как извозчик,
 Современные газеты.

"К черту! То ли дело Запад

И испанские газеты..."
 (Кстати – он силен в испанском,
 Как испанская корова).

Друг-читатель! Не ругайся,
 Вынь-ка зеркальце складное.
 Видишь - в нем зловеще меркнет
 Кто-то хмурый и безликий?

Кто-то хмурый и безликий,
 Не испанец, о, нисколько,
 Но скорее бык испанский,
 Обреченный на закланье.

Прочитай: в глазах-гляделках
 Много ль мыслей, смеха, сердца?
 Не брани же, друг-читатель,
 Современные газеты...

6. ПРОБЛЕМА ПОЛА

"Проклятые" вопросы,
 Как дым от папиросы,
 Рассеялись во мгле.
 Пришла Проблема пола,
 Румяная фефела,
 И ржет навеселе.

Заерзали старушки,
 Юнцы и дамы-душки
 И прочий весь народ.
 Виват, Проблема Пола!
 Сплетайте вокруг подола
 Веселый "Хоровод".

Ни слез, ни жертв, ни муки...
 Подыдем знамя-брюки
 Высоко над толпой.
 Ах, нет доступней темы!
 На ней сойдемся все мы –
 И зрячий и слепой.

Научно и приятно,
 Идеино и занятно –
 Умей момент учесть:
 Для слабенькой головки
 В проблеме-мышеловке
 Всегда приманка есть.

7. ЖЕНЩИНАМ

Не спорьте о мужских правах, -

Все объяснимо в двух словах:
 Нет прав у нас,
 Как и у вас.

И если в этой Думе мы
 Цветем, как розы средь зимы,
 То благо вам –
 Что вы не там.

Вы с нами пламенно ползли –
 Вы с нами нынче на мели.
 И вы, и мы –
 Добыча тьмы.

Но мудрых нет как нет у нас,
 Вовек их не было у вас,
 И мы, и вы
 Без головы...

Чьи сны давно уже мертвы?
 Кто будет в Мекке, мы иль вы?
 Ни мы, ни вы...
 Ни вы, ни мы...

А в воду ужас каждый час
 Толкает больше – вас иль нас?
 У двух полов –
 Хорош улов.

Не спорьте о мужских правах,
 Все объяснимо в двух словах:
 Коль пасс, так пасс,
 Для нас и вас...

8. ДИЕТА

Каждый месяц к сроку надо
 Подписаться на газеты.
 В них подробные ответы
 На любую немощь стада.

Боговздорец иль политик,
 Радикал иль черный рак,
 Гениальный иль дурак,
 Оптимист иль кислый нытик –
 На газетной простыне
 Все найдут свое вполне.

Получая аккуратно
 Каждый день листы газет,

Я с улыбкой благодатной,
 Бандероли не вскрывая,
 Аккуратно, не читая,
 Их бросаю за буфет.

Целый месяц эту пробу
 Я проделал. Оживаю!
 Потерял слепую злобу,
 Сам себя не истязая;
 Появился аппетит,
 Даже мысли появились...
 Снова щеки округлились...
 И печенка не болит.

В безвозмездное владенье
 Отдаю я средство это
 Всем, кто чахнет без просвета
 Над унылым отраженьем
 Жизни мерзкой и гнилой,
 Дикой, глупой, скучной, злой...

Получая аккуратно
 Каждый день листы газет,
 Бандероли не вскрывая,
 Вы спокойно, не читая,
 Их бросайте за буфет.

9. ЕВРОПЕЕЦ

В трамвае, набитом битком,
 Среди двух гимназисток, бочком,
 Сажусь в настроеньи прекрасном.

Панама сползает на лоб.
 Я – адски пленительный сноб,
 В накидке и в галстукe красном.

Пассаж не спеша осмотрев,
 Вхожу к "Доминику", как лев,
 Пью портер, малагу и виски.

Раздуло утробу копной...
 Сановный швейцар предо мной
 Толкает бесшумные двери.

Умаявшись, сыт и сонлив,
 И руки в штаны заложив,
 Сажусь в Александровском сквере,

Где б вечер сегодня убить?
 В "Аквариум", что ли, сходить,

Иль, может быть, к Мэри летаю?

В раздумье на мамок смотрю,
Вздыхаю, зеваю, курю
И "Новое время" читаю...

А завтра в двенадцать часов
На службу явиться готов,
Чертить на листах завитушки.

Ну как в Петербурге не жить?
Ну как Петербург не любить
Как русский намек на Европу?

10. ПОШЛОСТЬ

Лиловый лиф и желтый бант у бюста,
Безглазые глаза - как два пупка.
Чужие локоны к вискам прилипли густо
И маслянисто свесились бока.

Сто слов, навитых в черепе на ролик,
Замусленную всеми ерунду, -
Она, как четки набожный католик,
Перебирает вечно на ходу.

В ее салонах – все, толпою смелой,
Содравши шкуру с девственных идей,
Хватают лапами бесчувственное тело
И рьяно ржут, как стадо лошадей.

Сама мадам склонна к идеалам:
Законную двуспальную кровать
Под стеганным атласным одеялом
Она всегда умела охранять.

Но, нос суя любовно и сурово
В случайный хлам бесштемпельных "грехов",
Она читает вечером Баркова
И с кучером храпит до петухов.

Поет. Рисует акварелью розы.
Следит, дрожа, за модой всех сортов,
Копя остроты, слухи, фразы, позы
И растлевая музу и любовь.

В тщеславном, нестерпимо остром зуде
Всегда смешна, себе самой в ущерб,
И даже на интимнейшей посуде
Имеет родовой дворянский герб.

Она в родстве и дружбе неизменной

С бездарностью, нахальством, пустяком.
 Знакома с лестью, пафосом, изменой
 И, кажется, в амурах с дураком...

Ее не знают, к счастью, только... Кто же?
 Конечно – дети, звери и народ.
 Одни – когда со взрослыми не схожи,
 А те – когда подальше от господ.

11. ЛОШАДИ

Четыре кавалера
 Дежурят возле сквера,
 Но Вера не идет.
 Друзья от скуки судят
 Бока ее и груди,
 Ресницы и живот.

"Невредная блондинка!"
 - "Н-да-с, девочка с начинкой..."
 "Жаль только, не того-с!"

- "Шалишь, а та интрижка
 С двоюродным братишкой?"
 -"Ну, это, брат, вопрос".

Вдали мелькнула Вера.
 Четыре кавалера
 С изяществом стрекоз

Галантно подлетели
 И сразу прямо к цели:
 "Как спали, хорошо-с?"

- "А к вам, ха-ха, в окошко
 Стучалась ночью кошка..."
 -"С усами... ха-ха-ха!"

Краснеет Вера густо
 И шепчет: "Будь вам пусто!
 Какая чепуха..."

Подходит пятый лихо
 И спрашивает тихо:
 "Ну, как дела, друзья?"

Смеясь, шепнул четвертый:
 "Морочит хуже черта –
 Пока еще нельзя".

- "Смотри... Скрывать негоже!
 Я в очереди тоже..."

- "Само собой, мой друг".

Пять форменных фуражек
И десять глупых ляжек
Замкнули Веру в круг.

12. В ГОСТЯХ

Холостой стаканчик чаю
(Хоть бы капля коньяку),
На стене босой Толстой.
Добросовестно скучаю
И зеленую тоску
Заедаю колбасой.

Адвокат ведет с коллегой
Специальный разговор.
Разорвись – а не поймешь!
А хозяйка с томной негой,
Устремив на лампу взор,
Поправляет бюст и брошь.

Толстый доктор по ошибке
Жмет мне ногу под столом.
Я страдаю и терплю.
Инженер зудит на скрипке.
Примирайсь и с этим злом,
Я и бодрствую, и сплю.

Что бы вслух сказать такое?
Ну-ка, опыт, выручай!
" Попрошу... еще стакан"...
Ем вчерашнее жаркое,
Кротко пью холодный чай
И молчу, как истукан.

13. ПОЛЬКА

Левой, правой, кучерявый,
Что ты ерзаешь, как черт?
Угощение на славу,
Музыканты – первый сорт.
Вот смотри:
Раз, два, три.
Прыгай, дрыгай до зари.

Ай, трещат мои мозоли
И на юбке позумент!
Руки держит, как франзоли,
А еще интеллигент.
Ах, чудака,
Ах, дурака!

Левой, правой, - вот так-так!

Я сегодня без обеда,
И не надо - ррри-ти-ти.
У тебя-то, буквоеда,
Тоже денег не ахти?
Ну и что ж –
Наживешь.
И со мной, топ-топ, пропьешь.

Думай, думай – не поможет!
Сорок бед – один ответ:
Из больницы на рогоже
Стащат черту на обед.
А пока,
Ха-ха-ха,
Не толкайся под бока!

Все мы люди-человеки...
Будем польку танцевать.
Даже нищие-калеки
Не желают умирать.
Цок-цок-цок
Каблучок,
Что ты морщишься, дружок?

Ты ли, я ли – всем не сладко,
Знаю, котик, без тебя.
Веселись же хоть украдкой,
Танцы – радость, книжки – бя.
Лим-тим-тись,
Берегись.
Думы к черту, скука – брысь!

14. В ОПЕРЕ

Преодо мною чьи-то локти,
Ароматный воздух густ,
В бок вцепились чьи-то ногти,
Сзади шепот чьих-то уст:
"В этом месте бас сфальшивил!"
"Тише... Bravo! Ш-а! Еще!!"
Кто-то справа осчастливил -
Робко сел мне на плечо.
На лице моем несчастном
Бьется чей-то жирный бюст,
Сквозь него на сцене ясно
Вижу будочку и куст.
Кто-то дышит прямо в ухо.
Бас ревет: "О, па-че-му?!"
Я прислуживаюсь сухо

И не верю ничему.

15. ОПЯТЬ

Опять опадают кусты и деревья,
Бронхитное небо слезится опять,
И дачники, бросив сырые кочевья,
Бегут, ошалевшие, вспять.

Опять, перестроив и душу, и тело
(Цветочки и летнее солнце – увы!),
Творим городское, ненужное дело
До новой весенней травы.

Начало сезона. Ни света, ни красок,
Как призраки, носятся тени людей...
Опять одинаковость сереньких масок
От гения до лошадей.

По улицам шляется смерть. Проклинает
Безрадостный город и жизнь без надежд,
С презреньем, зевая, на землю толкает
Несчастных, случайных невежд.

А рядом духовная смерть свирепеет
И сослепу косит, пьяна и сильна.
Все мало и мало – коса не тупеет,
И даль безнадежно черна.

О, дом сумасшедших, огромный и грязный!
К оконным глазницам припал человек:
Он видит бесформенный мрак безобразный,
И в страхе, что это навек,

В мучительной жажде надежды и красок
Выходит на улицу, ищет людей...
Как страшно найти одинаковость масок
От гения до лошадей!

16. ОБСТАНОВКА

Ревет сынок. Побит за двойку с плюсом,
Жена на локоны взяла последний рубль,
Супруг, убитый лавочкой и флюсом,
Подсчитывает месячную убыль.
Кряхтят на счетах жалкие копейки:
Покупка зонтика и дров пробила брешь,
А розовый капот из бумазейки
Бросает в пот склонившуюся плешь.
Над самой головой насвистывает чирик
(Хоть птичка божия не кушала с утра),
На блюде киснет одинокий рыжик,

Но водка выпита до капельки вчера.
 Дочурка под кроватью ставит кошке клизму,
 В наплыве счастья полуоткрывши рот,
 И кошка, мрачному предавшись пессимизму,
 Трагичным голосом взволнованно орет.
 Безбровая сестра в облезлой кацавейке
 Насилует простуженный рояль,
 А за стеной жиличка-белошвейка
 Поет романс: "Пойми мою печаль".
 Как не понять? В столовой тараканы,
 Оставя черствый хлеб, задумались слегка,
 В буфете дребезжат сочувственно стаканы,
 И сырость капает слезами с потолка.

17. ПЕРЕУТОМЛЕНИЕ

Я похож на родильницу,
 Я готов скрежетать...
 Проклинаю чернильницу
 И чернильницы мать!

Патлы дыбом взлохмачены,
 Отупел, как овца, -
 Ах, все рифмы истрачены
 До конца, до конца!..

Мне, правда, нечего сказать сегодня, как всегда,
 Но этим не был я смущен, поверьте, никогда -
 Рожал словечки и слова, и рифмы к ним рожал,
 И в жизнерадостных стихах, как жеребенок, ржал.

Паралич спинного мозга?
 Врешь, не сдамся! Пень – мигрень,
 Бебель – стебель, мозга – розга,
 Юбка – губка, тень – тюлень.

Рифму, рифму! Иссякаю –
 К рифме тему сам найду...
 Ногти в бешенстве кусаю
 И в бессильном трансе жду.

Нет, не сдамся... Папа – мама,
 Дратва – жатва, кровь – любовь,
 Драма – рама – панорама,
 Бровь – свекровь – морковь... носки!

18. ОБМЕН ЛИЧНОСТЬЮ

Все в штанах, скроенных одинаково,
 При усах, в пальто и в котелках.
 Я похож на улице на всякого

И совсем теряюсь на углах...

Как бы мне не обменяться личностью:
Он войдет в меня, а я в него, -
Я охвачен полной безразличностью
И боюсь решительно всего...

Проклинаю культуру! Срываю подтяжки!
Растопчу котелок! Растерзаю пиджак!!
Я завидую каждой отдельной букашке,
Я живу, как последний дурак...

В лес! К озерам и девственным елям!
Буду лазить, как рысь, по шершавым стволам.
Надоело ходить по шаблонным панелям
И смотреть на подкрашенных дам!

Принесет мне ворона швейцарского сыра,
У заблудшей козы надою молока.
Если к вечеру станет прохладно и сыро,
Обложу себе мохом бока.

Там не будет газетных статей и отчетов.
Можно лечь под сосной и немножко повыть,
Иль украсть из дупла вкусно пахнущих сотов,
Или землю от скуки порыть...

19. КВАРТИРАНТ

Квартирант сидит на чемодане
И задумчиво рассматривает пол:
Те же стулья, и кровать, и стол,
И такая же обивка на диване,
И такой же "бигус" на обед, -
Но на всем какой-то новый свет...

Блещут икры полной прачки Феклы.
Перегнулся сильный стан во двор.
Как нестройный, шаловливый хор,
Верещат намыленные стекла,
И заплаты голубых небес
Обещают тысячи чудес.

За окном стена в сырых узорах,
Сотни ржавых труб вонзились в высоту,
А в Крыму миндаль уже в цвету...
Вешний ветер закрутился в шторах
И не может выбраться никак.
Квартирант пропьет свой четвертак!

Так пропьет, что небу станет жарко.

Стекла вымыты. Опять тоска и тишь.
 Фекла, Фекла, что же ты молчишь?
 Будь хоть ты решительной и яркой:
 Подойди, возьми его за чуб
 И ожги огнем весенних губ...

Квартирант и Фекла на диване.
 О, какой торжественный момент!
 "Ты – народ, а я – интеллигент, -
 Говорит он ей среди лобзаний. –
 Наконец-то, здесь, сейчас, вдвоем,
 Я тебя, а ты меня – пойдем..."

20. ИНТЕЛЛИГЕНТ

Повернувшись спиной к обманувшей надежде
 И беспомощно свесив усталый язык,
 Не раздевшись, он спит в европейской одежде
 И храпит, как больной паровик.

Истомила Идея бесплодем интрижек,
 По углам паутина ленивой тоски,
 На полу вороха неразрезанных книжек
 И разбитых скрижалей куски.

За окном непогода лютеет и злится...
 Стены прочны, и мягок пружинный диван.
 Под осеннюю бурю так сладостно спится
 Всем, кто бледной усталостью пьян.

Дорогой мой, шепни мне сквозь сон по секрету,
 Отчего ты так страшно и тупо устал?
 За несбыточным счастьем гонялся по свету,
 Или, может быть, землю пахал?

Дрогнул рот. Разомкнулись тяжелые вежды,
 Монотонные звуки уныло текут:
 "Брат! Одну за другой хоронил я надежды,
 Брат! От этого больше всего устают.

Были яркие речи и смелые жесты
 И неполных желаний шальной хоровод.
 Я жених непришедшей прекрасной невесты,
 Я больной, утомленный урод".

Смолк. А буря все громче стучалась в окошко.
 Билась мысль, разгораясь и снова таясь.
 И сказал я, краснея, тоскуя и злясь:
 "Брат! Подвинься немножко".

21. ПЬЯНИЦА

Темно...
 Фонарь куда-то к черту убежал!
 Вино
 Качает толстый мой фрегат, как в шквал...
 Впотьмах
 За телеграфный столб держусь рукой.
 Но, ах!
 Нет вовсе сладу с правою ногой:
 Она
 Вокруг меня танцует – вот и вот...
 Стена
 Все время лезет прямо на живот.
 Свинья!!
 Меня назвать свиньей? Ах, злодей!
 Меня,
 Который благородней всех людей?!
 Убью!
 А, впрочем, милый малый, бог с тобой –
 Я пью,
 Но так уж предназначено судьбой.
 Ослаб...
 Дрожат мои колени – не могу!
 Как раб,
 Лежу на мостовой и ни гу-гу...
 Реву...
 Мне нынче сорок лет – я нищ и глуп.
 В траву
 Заройте наспиртованный мой труп.
 В ладье
 Уже к чертям повез меня Харон...
 Adieu!*
 Я сплю, я сплю, я сплю со всех сторон...

* Прощайте (франц.).

22. АРЕСТАНТ

За сверхформенно отросшие волосья
 Третий день валяюсь здесь во тьме.
 В теле зуд. Прическа – как колосья.
 Пыль во рту и вялый гнев в уме.

Неуютно в черном помещеньи...
 Доски жестки, и скамья узка,
 А шинель скользит как привиденье –
 Только дразнит сонные бока.

Отобрали ремешок мой брючный
 И табак (ложись и умирай!) –

Чтобы я в минуты мути скучной
Не курил и не стремился в рай.

Запою ль вполголоса, лютея,
Щелкнет в дверце крошечный квадрат
И, светясь, покажется, как фея,
Тыкволицый каменный солдат.

Оторвал зубами клочок краяхи
И жую противный, кислый ком.
По лицу ползут, скучая, мухи,
Отогнал – и двинул в дверь носком.

Спать? От сна распухло переносье...
Мураши в коленях и в спине...
О, зачем я не носил волосьев
По казенной форменной длине!

Время стало. В ноздри бьет опойкой...
Воздух сперт, как в чреве у кита!
Крыса точит дерево под койкой.
Для чего я обращен в скота?

Скрип задвижки. Контрабасный ропот:
"Не успел прийти, опять веди!"
Лязг ружья. Слоноподобный топот
И сочувственно-угрюмое: "Иди!"

23. ВОЛК И БАРАН

Волк как-то драл с барана шкуру.
Баран, конечно, верещал.
Озлился волк: "Что воешь сдуру,
Нахал!
Деру тебя тебе ж во благо:
Без шкуры легче – тесно в ней.
Я эту тему на бумаге
Могу развить тебе ясней".

Бедняк баран, почти покойник,
В ответ заблеял чуть дыша:
"Прошу вас, господин разбойник!
Пусть ваша тема хороша –
Но ваша справедливость волчья
Сейчас едва ль мне по плечу...
Ой-ой! Дерите лучше молча,
Я тоже скоро замолчу".

Когда-то волки просто драли
Без объяснения причин...
Для умных женщин и мужчин

Другой не надобно морали.

24. ГЕНИИ И ПАПУАСЫ

Безглазые глаза надменных дураков,
Куриный кодекс модных предрассудков,
Рычание озлобленных ублюдков
И наглый лязг очередных оков...
А рядом, словно окна в синий мир,
Сверкают факелы безумного Искусства:
Сияет правда, пламенеет чувство,
И мысль справляет утонченный пир.

Любой пигмей, слепой, бескрылый крот,
Вползает к Аполлону, как в пивную, -
Нагнет, икая, голову тупую
И сладостный нектар как пиво пьет.
Изучен Дант до неоконченной строфы,
Кишат концерты толпами прохожих,
Бездарно и безрадостно похожих,
Как несгораемые тусклые шкафы...

Вы, гении, живущие в веках,
Чьи имена наборщик знает каждый,
Заложники бессмертной вечной жажды,
Скопившие всю боль в своих сердцах!
Вы все – единой донкихотской расы,
И ваши дерзкие, святые голоса
Все так же тщетно рвутся в небеса,
И вновь, как встарь, вам рукоплещут папуасы...

25. ПОТОМКИ

Наши предки лезли в клетки
И шептались там не раз:
"Туго, братцы... Видно, дети
Будут жить вольготней нас".

Дети выросли. И эти
Лезли в клетки в грозный час
И вздыхали: "Наши дети
Встретят солнце после нас".

Нынче так же, как вовеки,
Утешение одно:
Наши дети будут в Мекке,
Если нам не суждено.

Даже сроки предсказали:
Кто – лет двести, кто – пятьсот,
А пока лежи в печали

И мычи, как идиот.

Я, как филин, на обломках
Переломанных богов.
В неродившихся потомках
Нет мне братьев и врагов.

Я хочу немножко света
Для себя, пока я жив;
От портного до поэта –
Всем понятен мой призыв...

А потомки... Пусть потомки,
Исполняя жребий свой
И кляня свои потемки,
Лупят в стенку головой!

26. СПОРЫ

Каждый прав и каждый виноват.
Все полны обидным снисхождением
И, мешая истину с глумленьем,
До конца обидеться спешат.

Эти споры – споры без исхода,
С правдой, с тьмой, с людьми, с самим собой,
Изнуряют тщетною борьбой
И пугают нищенством прихода.

По домам бессильно разбредясь,
Что нашли ли собственный ответ?
Что ж слепые наши "да" и "нет"
Разбрелись, убого спотыкаясь?

Или мысли наши – жернова?
Или спор – особое искусство,
Чтоб, калеча мысль и теша чувство,
Без конца низать случайные слова?

Если б были мы немного проще,
Если б мы учились понимать,
Мы могли бы в жизни не блуждать,
Словно дети в незнакомой роще.

Вновь забытый образ вырастает:
Притаилась Истина в углу,
И с тоской глядит в пустую мглу,
И лицо руками закрывает...

27. СЛИШКОМ МНОГО

Слишком много разговоров,

Пересудов, перекоров,
 Бесконечных рассуждений,
 Полувзглядов, полумнений...
 Слишком много.

Слишком много безразличных,
 Веселящихся, безличных,
 Жизнерадостно-утробных,
 Всепрощающих, незлобных...
 Слишком много.

Слишком много терпеливых,
 Неуверенных, плаксивых,
 Робких, маленьких, забытых,
 Растерявшихся, разбитых...
 Слишком много.

Слишком много паразитов,
 Фарисеев, иезуитов,
 Губернаторов, удавов,
 Патриотов, волкодавов...
 Слишком много.

Слишком много слуг лукавых,
 Партий правых, жертв кровавых...
 И растёт в душе тревога,
 Что терпения у бога
 Слишком много!

28. МОЛИТВА

Благодарю тебя, создатель,
 Что я в житейской кутерьме
 Не депутат и не издатель
 И не сижу еще в тюрьме.

Благодарю тебя, могучий,
 Что мне не вырвали язык,
 Что я, как нищий, верю в случай
 И к всякой мерзости привык.

Благодарю тебя, единый,
 Что в эту Думу я не взят, -
 От всей души, с блаженной миной
 Благодарю тебя стократ.

Благодарю тебя, мой боже,
 Что смертный час, гроза глупцов,
 Из разлагающейся кожи
 Исторгнет дух в конце концов.

И вот тогда, молю беззвучно,
Дай мне исчезнуть в черной мгле, -
В раю мне будет очень скучно,
А ад я видел на земле.